

К Р О К О Д И Л

ОДИННАДЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

МАРТ 1932 г.

МОСКВА

СТАРЫЙ БЫТ БУДЕТ БИТ!

— И к быту, проклятые, подобрался. Из последней щели нас выкуривают!..

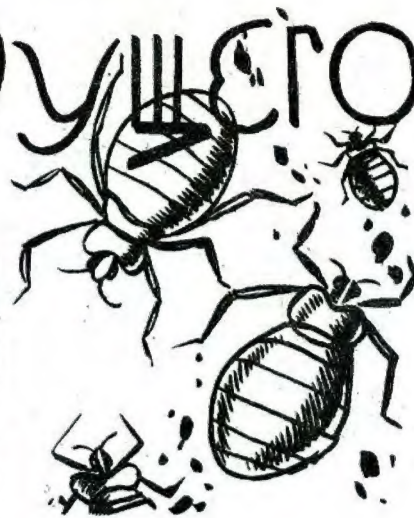
Письмо из Будущего

Фельетон Ф. Уралова

Заставка К. Р.

С одним из метеоритов мы получили письмо, которое излагает доклад профессора-историка, сделанный в 1950 году. Письмо проделало громадный космический путь и пришло в несколько потрепанном виде. Не имея возможности воспроизвести его полностью, приводим в сокращенном виде.

... овый быт отбрасывал у быта старого пядь за пядью. Старое с жесточайшими боями сдавало позиции, которые оно занимало веками. Новое упорно двигалось вперед сквозь строй преград, через Эльбрусы непонимания, косности, обывательщины. И надо было много энергии, мужества, решительности, чтобы создать новый быт, быт, достойный великих строителей социализма.

Повторяю, препятствия встречались на каждом шагу. Приведу для примера дома той эпохи. Это были сооружения, похожие на ящики. Обитатели считали величайшим позором для своего рода пользоваться предметами соседа.

— Боже упаси, — как они выражались, — чтоб у Тюлькина уютю взять... да ни в жисть!

Такая концепция, естественно, влекла за собой самые фантастические последствия. Если, допустим, в квартире жило 6 семейств, то они имели: 6 самоваров¹, 6 уютюгов, 6 половых щеток, 6 кошек², 6 примусов³ и одну прочищальку⁴ для примусов, да и то взятую на прокат в соседнем доме.

Вы спрашиваете: почему одна прочищалька, а не 6? Очень просто, если бы у каждой семьи была своя собственная прочищалька, то моментально исчезла бы база для склоки, — этого любимейшего развлечения обитателей квартир.

Происходило это, примерно, таким порядком. Женщина из рода Кривоноговых выходила на кухню и начинала зажигать примус. Род Тюлькиных, услышав энергичное действие насоса, мгновенно воспламенялся жаждой к чаю. Один из тюлькинцев спешно откомандировывался на кухню с наказом:

— У Кривоноговых примус всегда засорен, прочищальку из рук не выпускают. Сначала ты прочисти, а потом пусть они!

Кривоногова, действительно, мучилась с примусом. Он шипел, вонял, но гореть по-человечески отказывался. Тогда она, изнеможенная, воскликнула:

— Странно! Все время работал! Не иначе, как Тюлькины испортили. Постоянно чужим норовят воспользоваться, дьяволы⁵, а не люди!

Полпред рода Тюлькиных, получив подобную характеристику, выкатывал

глаза, багровел, как солнечный закат летом, и свистящим шопотом бросал:

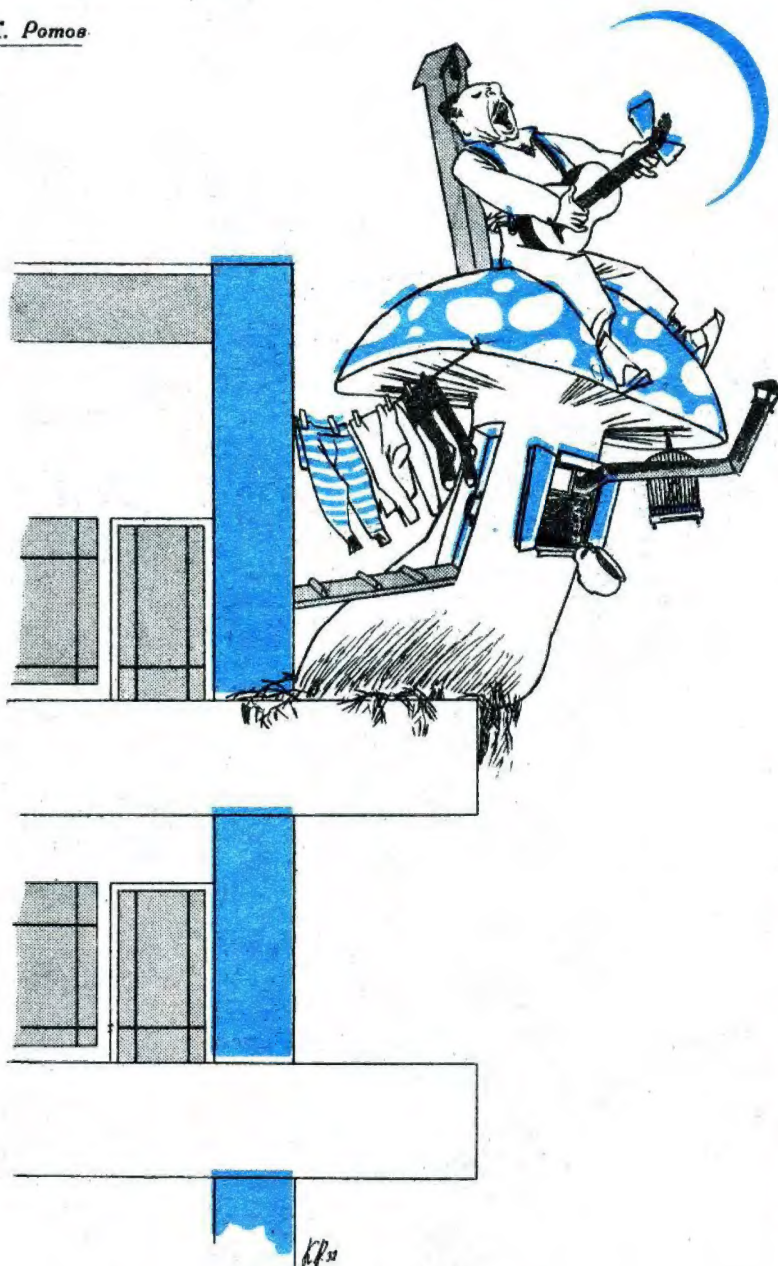
— Во-первых, вы, Кривоноговы, дьяволы, во-вторых, вы соль⁶ у нас таскаете, в-третьих, Митрий, выходи на кухню!

Дальше действие разворачивалось спокойно и просто: скорая медицинская помощь, отделение милиции, нарсуд.

Особо надо остановиться на женщинах-домохозяйках. Они страстно тянулись к новому. Но индивидуальное хозяйство: готовка пищи, стирка белья, уборка комнат, уход за ребятами, держало их в стальных тисках.

⁶ Соль — кристалл. Употребляется в пищу и для насыпания на хвосты.

К. Ротов

Их рабочий день был 16 часов. 30 миллионов трудящихся женщин, жен рабочих и служащих, крестьянок тратили ежедневно сверх 8 часов труда примерно 28.500 лет на непроезжательную, отупляющую работу.

Одной из основных задач того времени было освободить женщину от кухни. Начали стриться столовые, фабрики-кухни. Но некоторые из них благодаря головотяпству своих руководителей всячески дискредитировали общественное питание. Они, например, могли из прекрасных продуктов приготовить дряннейшую пищу. При чем каждое блюдо старались разнообразить: в борще можно было обнаружить щепку, пуговицу, кусок веревки; в котлетах гвозди, лоскут материи, огрызок карандаша.

Разумеется, при таком отношении к общественному питанию столовые долго не могли стать действительными организаторами нового быта.

... Воспитанию детей уделялось чрезвычайно много внимания. В эту эпоху как раз и начали развиваться ясли, детсады, детплощадки. Но их было все же мало. Тут получало свое первое воспитание подрастающее поколение. Весьма любопытно отметить ту косность, которая наблюдалась среди матерей. Малышу Пете рассказывали всякие небылицы про ясли, а ежели он был шулуном, то припугивали:

— Будешь баловаться, — отдадим в детсад.

Были, правда, дети-герои. Они на подобные родительские кавенеческие измышления отвечали:

— Мама, влешь!

Мама истерически вскрикивала: — Ах, это тебя в детсад у научили! — поднимала даань для возмездия. Малыш подставляла щеку или затылок, смотря по положению материнской руки, и заявлял:

— Полюбуй, тлонь, — позалуюсь милиционеру!

... Особо стоит остановиться на гигиене и санитарии в жилищах. Грязь было в некоторых домах, — старшине сказать только! Один из летописцев того времени прислал в журнал «Крокодил» корреспонденцию. В ней он со всей беспристрастностью приводил следующий факт:

«В конце 1931 года хозяйственники торфоразработок Марково — Сборное им. Колотилова, в Ивановской промышленной области решили навести чистоту в общежитиях рабочих-торфяников — начали морить тараканов. Результаты получились блестящие: из 15 общежитий вывели 32 коранны мертвых тараканов!»

Летописец заканчивает свою краткую повесть так:

«Не побьли наши хозяйственники мировой рекорд по разведению тараканов? Не следует ли вместе с ними, т.-е. тараканами, вымести кого следует?»

... Можно было бы привести бесчисленное множество фактов, случаев, которые задерживали внедрение нового быта, извращали политику партии и правительства в этих вопросах. С ними велась решительная борьба.

И чем больше трудящихся вовлекалось в общественную, политико-воспитательную и производственную работу, чем шире разворачивалось жилищное и культурно-бытовое строительство, тем меньше и меньше оставалось места для осколков старых традиций, навыков, обычаев. Новое, социалистическое постепенно наполняло каждый кубометр воздуха. Старое, лишнее питательных корней, блекло и, наконец, как тогда говорили: «приказало долго жить», т.-е. умерло.

... Следующая... экция и буд... посвящена этому периоду эпохи... ительства социалистич... быта!

НАДСТРОЙКИ, К СОЖАЛЕНИЮ, ЕЩЕ ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ НА НОВЫХ ДОМАХ.

1. Самовар — кустарный завод по производству кипяченой воды. Работал на древесном угле, уничтожил за свое многолетнее существование тысячи тысяч гектаров леса.

2. Кошка — рассадник заразы и склок.

3. Примус — фабрика-кухня.

4. Прочищалька — предмет необъяснимый.

5. Дьявол — слово, выражающее верх вежливости.

ЖИЛ-БЫЛ жилец в квартире,
При нем ютился клоп:
Он целился, как в тире,
И в грудь, и в бок, и в лоб.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Он ночью постоянно
Активно наступал:
Жилец чесался рьяно,
Пока не засыпал.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Стал клоп крупней ореха,
Ползет с большим трудом...
Как вдруг — жилец наш с'ехал, —
Вселился в новый дом.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ой, клоп!

Вот тут пошли делишки,—
Был клоп и — сразу сплыл:
В истлевшем барахлишке
Жилец клопа забыл.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ах, клоп!

В квартире новой — ванна,
Паркет — не превозмочь!
Но все же, как ни странно,
Жилец не спит всю ночь.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Где клоп?

Жильца тощища гложет,
Ужасно ноет грудь:
Жилец никак не может
Без клопика уснуть.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Мой клоп!

Зовет курьера вдруг он —
В приказе строгий стиль:
Эй, за клопом, за другом,
Послать автомобиль!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

И вот клопа встречают
Со старым барахлом:
Кричат „ура“, качают,
Все бьют ему челом.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Прием — в мажорном тоне,
Прием, как теплый душ:
Клопу на граммофоне
Играют громкий туш.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Опять житье настало:
Клопу здесь пропуск дан —
В подушки, в одеяло,
В портфель и чемодан.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

И вот клопа родного
Опять жилец ютит:
К жильцу вернулись снова
И сон и аппетит!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

К. Елисеев

ЛЕРМОНТОВ: — Не узнаю Кавказа... Вместо башни Тамары — ЗАГЭС, по девственным горам фуникулеры бегают...

ПОВЕСТЬ О ЛЕБЕДЕВЕ ИВАНЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ

(В одном обеде и двух речах)

ДО СИХ ПОР Штеровка была известна, как электрическое сердце Донбасса. Но, кроме новой электростанции, в городе обнаружена еще одна достопримечательность, незаслуженно забытая современниками.

Это Лебедев Иван Яковлевич.

Под его мудрым руководством, силами рабочих Хрустального рудоуправления, каменный сарай был переоборудован в кооперативный магазин.

Обошлась перестройка в 3.000 рублей, и останавливаться на этом не стоило бы... Если бы не широкая «русская» натура Ивана Яковлевича.

Окончание столь ответственного строительства Лебедев решил отпраздновать достойным образом.

К празднику начали готовиться задолго до назначенного срока. В местной типографии печатались пригласительные билеты, продукция пивоваренного завода была забронирована «на корню».

Был поставлен на ноги весь музыкальный актив города, состоявший из двух духовых оркестров. Сыграть им долго не удавалось, так как один из них специализировался на похоронах, а другой на торжественных заседаниях и вечерах. Для задуманного же Иваном Яковлевичем фестиваля музыка требовалась исключительно под'емная.

Открылось торжество, как полагается, митингом. Ивана Яковлевича так и не дождались. Они изволили подкатить в экипаже прямо к художественной части, то-бишь к обеду.

Вслед за Иваном Яковлевичем гости нестройной толпой проследовали в столовую. Музыка играла туш, под звуки которого тут же, у входа, каждому из приглашенных торжественно вручалось пиво (по бутылке на «пивока»).

Начались не менее торжественные речи под аккомпанемент хлопающих пробок. Иван Яковлевич сиял. Высокие чувства, переполнявшие его душу,

и желудок, достигли своего апогея во время речи тов. Мезеря Анисима Андреевича.

— Да здравствует, — сказал он, подняв бокал с мутной жижицей, — советская власть, а также Лебедев Иван Яковлевич. Урррррр!

Воодушевленный пивом оркестр громыхал...

Отвечал на приветствия сам Иван Яковлевич.

— Да здравствует мировой пролетариат, а также тов. Мезерь Анисим Андреевич. Урррррррр!

Торжество продолжалось свыше двух часов и обошлось всего-навсего в две тысячи рублей. Немногим меньше стоимости сооружения магазина, открытие которого праздновалось столь торжественно.

Какое счастье, что Лебедеву Ивану Яковлевичу вкупе с Мезерем Анисимом Андреевичем не было доверено строительство Магнитогорска...

Евстигней Метелкин.

В ЭТОМ ГОДУ все летчики и летчицы-наблюдатели Э-ской эскадрильи переженались. Так бывает, — вдруг все женятся. При желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей. Парень он красивый. Красивый — в данном случае слово не подходящее: само слово бракованное. Да и какой он красивый, — да еще шрам нос приплюснутый и губы грубые. Но в Орехове все это было очень симпатично. Не будь шрама и губы как надо и нос в порядке, — было бы хуже. Так-то при желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей, но он не торопился. Во всем не из каких-нибудь принципиальных расхождений по вопросу о браке. Он к браку относился вполне благожелательно.

— Женятся, и хорошо, — рассуждал он, — но я все-таки подожду. Торопиться некуда.

При том, наблюдая жизнь женатых, он не особенно завидовал ихнему тихому уюту, ихнему семейному счастью. Из уюта часто доносились звуочки скрежета, а иногда оттуда летели осколки тарелки и стаканы.

Орехов не завидовал женатым. — Женятся, — пусть себе женятся. Я подожду, — не к спеху.

Главное, ему казалось, что среди женщин самый большой процент медяков. Там их самое главное богатство. Он, конечно, великолепно знал социальные корни этого дела. И вовсе не придавал значения тому факту, что мозг женщины на полтора грамма легче мужского. Он знал, что дело не в этом. Он и Бебеля читал: «Женщина и социализм» — из истории революции знал многих прекрасных, талантливых женщин. Но вот в жизни Орехову такие не попадались.

— И почему это, — думал он с досадой, — как у девушки глаза цветут и чулки светятся, так дуря-дурой, а как поумней и посодержательней, так тошно смотреть. Конечно, это не правильно, но Орехов большей частью ставил именно с такими экземплярами. Ясно, с такой своей жизнью не свяжешь. Пошутить с ней, поддаться или, как любил выражаться Орехов, «приветриваться» это еще куда ни шло. А вот поговорить с ней о чем-нибудь серьезном, как с другом, как с товарищем, посоветоваться, поделаться, — это невозможно. Так что при встрече с такими девушками Орехов разговаривал совершенно не так, как всегда. В обращении с ними у него выработался условный рефлекс. Для этих девушек он специально имел небольшой запас фраз и случаев из

Для борьбы с революционным движением социал-фашистская полиция Берлина запретила собрания и скопления на улицах.

Ив. Малютин

СОЦ.-ФАШИСТ (Брюнин): Разрешите им, г. Брюнин, оставаться здесь, так как для них это не улица, а квартира...

Рассказ
Б. Левина

летной жизни. И так как многие девушки очень часто задавали одинаковые вопросы, то для них давным-давно у Орехова были заготовлены ответы. Вот, например:

Девушка (это всегда спрашивали в первый же день знакомства): А как летать страшно?

Орехов (каким-то пошловатым, не своим голосом): Страшно, но воздух — моя стихия.

Тут он обыкновенно делал небольшую паузу и прибавлял загадочно:

— Я, когда не летаю, чувствую себя отвратительно. Шум мотора для меня алкоголь. Отбери у меня машину, — и я застрелюсь.

Орехову, между прочим, никогда не бывало страшно, но сказать об этом, значит, никакого впечатления. Так же он великолепно себя чувствовал, когда и не приходилось летать, но он знал, что девушкам так больше нравится. Особенно про «застрелюсь».

И действительно, девушка ласковой смотрела на Орехова и шептала:

— У вас клявды, и вы лаете. Как это клявды.

Неожиданно девушка хартвила и говорила так, как будто у нее в носу только что выросли полипы.

И Орехов, смеясь над этой глупой девушкой, говорил ей в тон:

— О, да, это так клявды. Это феэвично!

Когда Орехов познакомился с Зинкой, он подумал о том, как здорово Зина похожа на Катю М., а также о том с горечью подумал, как часто люди внешне похожи друг на друга и как мало трафаретов отпустила природа на это дело. Он даже спросил у Зины:

— Не сестра ли вам Катя М.?

— Нет, — ответила она, — у меня сестер нет.

— Впрочем, эта деталь не существенная, — заметил Орехов, — самое главное, что вы так же прекрасны, как она.

Зина на это ничего не ответила и, вообще, молчала. Орехов решил, что она принадлежит к группе «Б» (молчаливо-таупые) и что это гораздо лучше, чем группа «А» (болтливо-таупые). Группы «А» и группы «Б» — это он сам придумал, а для чего, — не знал. Не для статистики-же?

В следующий раз, когда он встретился с ней, он сказал то, что ему приходилось говорить уже много раз:

— Сегодня утром, одевая гимнастерку, я глянула на свои пестяки и вспомнила ваши глаза.

— Вот как, — заметила безразлично Зина и чему-то улыбнулась.

Между прочим, у нее глаза были вовсе не голубые, а отчетливо карие.

— И о! — если бы, — продолжал он в том же духе, — небо было бы всегда такое, как ваши глаза, то навсегда исчезла бы всякая облачность, что больше всего не любим мы, работники воздуха.

— Вот как, — заметила опять Зина.

И, так как она молчала, либо только говорила «вот как», то Орехову пришлось очень быстро вытряхнуть из себя весь запас фраз и случаев из летной жизни.

Зина говорила с сожалением своему товарищу Саше Конвертову, — он учился вместе с ней в техникуме:

— Я как-то познакомилась с одним летчиком. Но я прямо удивлена, до чего глуп и пошловат. Досадно, что среди наших летчиков есть такие типы.

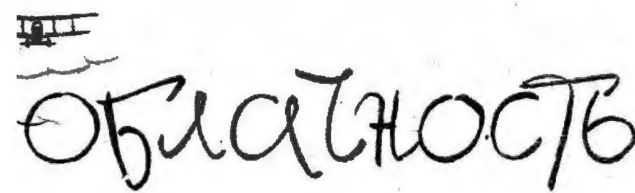
— Познакомь меня с ним, — попросил Конвертов, — я хотел бы полетать.

— При случае, — пожалуиста. Хотя больше с ним встречаться не намерена. Меня раздражает это: «Мотор сдох... Ваши глаза — голубые пестяки», — передразнивала она Орехова. — Брр, как противно!

«Почему она молчит? — думал о Зине Орехов и сам себя успокоил. — Мешанки любят прикидываться таинственными, молчаливыми, загадочными. Ничего, скоро она откроет свой прелестный рот, и оттуда посыпятся деревянные солоны и бумажные розы».

И вот он опять встретил Зинку, она была вместе с Конвертовым.

— Познакомьтесь! — сказала она, — мой товарищ.

— Чего вас так редко видеть, — спросил Орехов у Зины, хотя он сам в последнее время был так загружен, что вот в первый раз вышел погулять.

— А вы разве соскучились, — сказала ему в тон Зина.

Ей очень хотелось вызвать Орехова на разговор, чтобы и Конвертов убедился, какой этот летчик пошляк.

Орехов не заставил себя ждать.

— Хотя мы, летчики, носим дело с небом, но и нам не чуждо земное, особенно прекрасный пол.

— Уой! — тихо промывчала Зина и ближе подвинулась к Конвертову.

— А вчера, — продолжал Орехов, — кружась над городом, я заметил крышу вашего дома, и мне захотелось на полном газу врезаться к вам в комнату.

— Уой! — уже на этот раз озорно и громко промывчала Зина и сказала: — Как противно! — и ушла.

— Зинка, брось, — хотел ее остановить Конвертов, но она не обернулась.

Орехов смутился.

— Что с ней? — спросил он на этот раз обыкновенным голосом.

— Не знаю, — ответила Конвертов и попросила: — Небось ли мне как-нибудь полетать?

Орехов пробурчал что-то непонятное, он больше думал о том, почему ушла Зина.

— Я ударник, — продолжал Конвертов, — я даже, если это требуется, могу справку... из заводоуправления.

— Ладио, как-нибудь! — Орехов хотел отделаться от парня.

— Да не как-нибудь, а ты уж говори определенно, — перешла неожиданно на ты Конвертов. — Если это только возможно, то назначай время. Мне дозрелу хочется полетать, — прибавила он очень просто.

И был день, когда в лагерь авиачасти пришел Конвертов. Орехов доложила о нем командиру. Тот прочел бумажку о том, что Конвертов премированный ударник и сказал:

— Ну что ж, можно будет, раз ему так хочется полетать. Минут двадцать.

— Слушаюсь, товарищ командир, — сказал Орехов. И они поехали вместе с Конвертовым пешком на аэродром. По дороге Орехов спросил:

— Скажи, пожалуйста, что собой представляет эта Зина? Ты ее давно знаешь?

— Мне о ней говорить не полагается. Я буду пристрастен, — сказал Конвертов, — я ее люблю. Но она замечательная девушка. Комсомолка. Общественница. Не лиловая, а настоящая. Без дураков, — прибавил искренне Конвертов. — В техникуме ты знаешь, как с ней считаются! И не удивительно, она марксистски гораздо лучше других подкована. Зина — замечательная девушка.

— Я и не знал, — заметил Орехов. — Мне казалось, она — просто барышня-меланочка.

— Это смешно, — сказала Конвертов и остановилась посреди поля. — Зинка — мешанка! Зина — прекрасный товарищ. И у нас ее в техникуме все любят. Она очень много работает. И главное, умеет работать, вот что важно, — добавила с некоторой завистью Конвертов.

Затем они шли молча. И когда уж подходили к аэродрому, Конвертов сказал:

— Почему-то она тебя не любит. Считает пошляком.

— Вот как? — процедил сквозь зубы Орехов и покраснел.

Когда они улетели с аэродрома и поднялись на высоту шестисот метров, Орехов подумал о Зине. Может быть, действительно, прав этот парень: «Ну, конечно, он прав, зачем ему врать. Потому, как она фыркнула. Да она не только фыркнула, но громко сказала, что противно. Значит, она все понимает. Какой я дурак». И Орехов позавидовал этому парню. Он посмотрел в круглое зеркало и увидел самодовольную розовую морду Конвертова. Ветер сворачивал в сторону его убаюкивающие губы. Одной рукой он держался у горла за ремешок шлема, — должно быть не туго завязан.

«А ну-ка посмотрим, как ты себя сейчас почувствуешь», — и Орехов стал набирать высоту. Конвертов вдруг увидел, как на него падают облака, и ему это очень понравилось. Затем, когда он увидел, что на том месте, где полагается быть

синею небу, растет зеленая трава, а синему прет небу, — ему стало страшно. Ему показалось, что он висит на ремнях вниз головой. Но вот секунда, и все опять как полагается.

— Хорошо бы еще раз испытать это чувство, — подумал он и закивал головой и сияющий закричал:

— Еще, еще!

Орехов в зеркало наблюдал за ним и думал о нем тепло:

«Приятный парень. Молодец. Ну-ка я тебя еще раз качну». — И он еще раз сделал мертвую петлю.

Вечером, возвращаясь из города на аэродром, Орехов встретил у аптеки Зину. Она была в плаще и в черном берете. Орехов подошел к ней и, очень волнуясь, сказал:

— Здравствуй! Мне надо с вами поговорить. И, не дожидаясь согласия, продолжал: — Я очень виноват перед вами. Вы понимаете...

И он рассказал ей обо всем, упомянув о запясе фраз и даже о голосе.

Она улыбнулась и заметила:

— Как это грустно. Зачем это вам понадобилось. — Я вас приняла за лижона.

Он не мог ей ничего на это ответить.

— Все могло быть совсем иначе, — произнесла она очень тихо. И Орехову она показалась самой прекрасной на свете. Ведь именно такую девуш-

ку он так давно ждал встретить. Из аптеки вышла Конвертов. Он был в новых калошах и желтых ботинках. Он присоединился к ним, и они пошли. Незнакомство к чему, Конвертов, гайнул на свои ботинки, самодовольно сообщила:

— Вот теперь, когда стал завязывать шнурки двойным узлом, они больше не бо- лтаются.

— Зато ночью, как ты с ними мучаешься. Вчера я даже рассердился, — до трех часов возня, — заметила Зина.

— До свидания! — сказала печально Орехов.

— Прощайте!

И когда он завернул за угол, голос, тот самый противный голос, которым он оперировал при разговоре с девушками-мешанками, приободрился и угловато шепнул:

— На-шел на па-садку.

— Заполчи, болван, — крикнул на него Орехов. — Я убью тебя, пошлая.

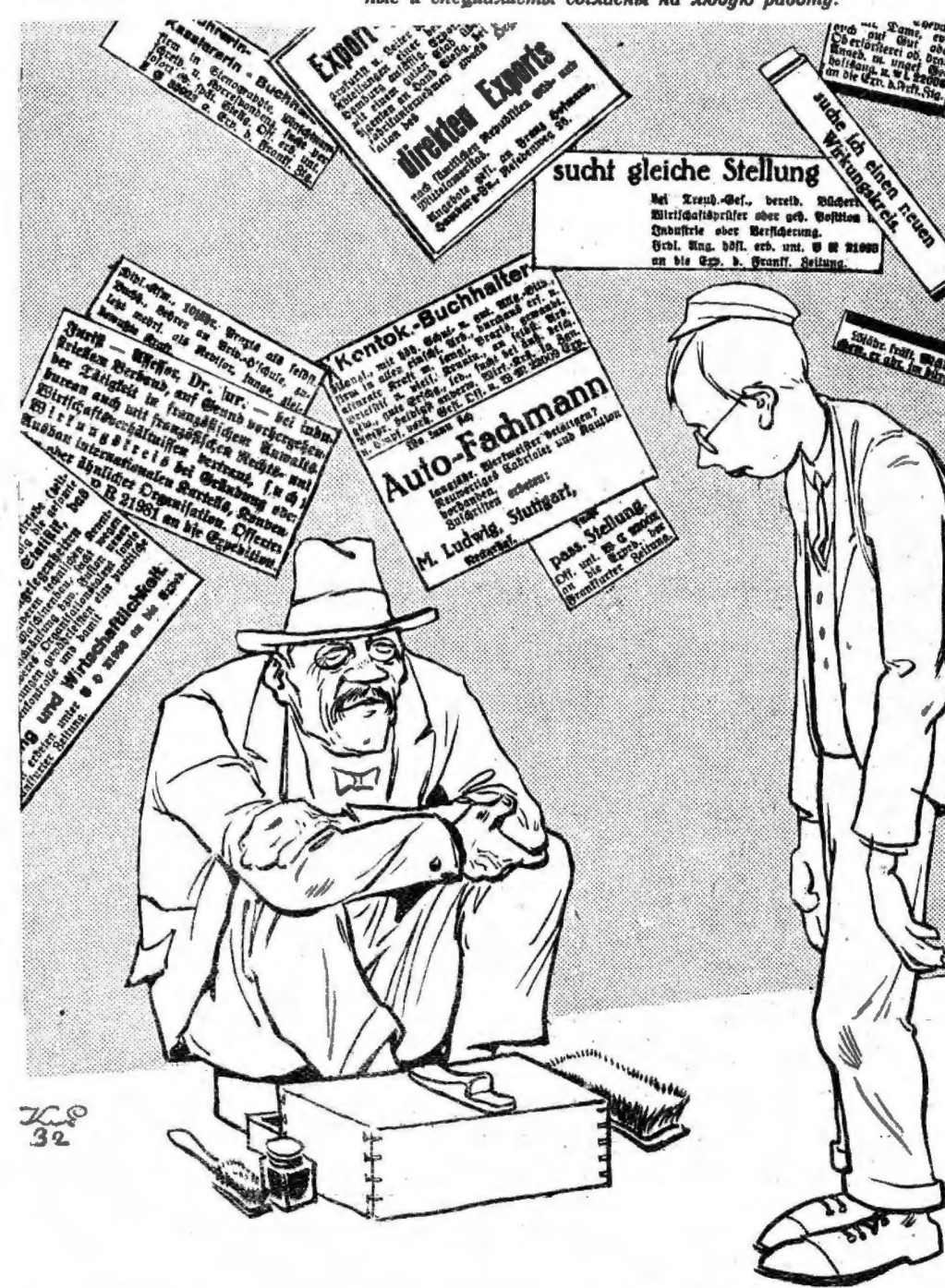
И он пошел к остановке автобуса, чтобы поехать на аэродром.

Б. Левин.

УЧЕНЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ НА ЗАПАДЕ

К. Елисеев

Печать Запада пестрит объявлениями о том, что ученые и специалисты согласны на любую работу.

СТУДЕНТ: — Скажите, господин профессор, как это вы получили такую хорошую работу?..

ПРОФЕССОР: — Э, милый мой, тебе еще надо много лет учиться, чтобы этого достигнуть...

Очень часто в провинции, наряду с роскошными дворцами культуры, забывают об элементарных удобствах.

А. Генч

— Хорошо, хоть этот лозунг светится, а то ведь фонари забыли поставить...

ЛЮДИ ОКУЖАЮТ ПОШЛЫЕ ВЕЩИ, И ВИД У ВЕЩЕЙ УЖАСНО ЗЛОВЕЩИЙ

ВЧЕРА

я сидел в гостях
у ударника.
(старый дружище,
попросту — Сенька).
Новый дом.
Высокий!
Удаленный!

Лестница
блеском
летит по ступенькам.

Вошел в переднюю.
И, словно от выстрела,
шарахнулся
мелкою дрожью колен.
С вешалки,
тыча рога ветвистые,
в меня вперился
пещерный олень.

Сеня же
спрашивает сатирика:

— Ну что,
хороша квартирка?
Квартирка на-ять.
И пару и газу...

Но...
зацепившись за цветочную вазу,
Сразу
забыл приветственную фразу.

Около сына
(мальца-пионера)

бедром изогнулась
лампа-«Венера».

Ручкой прикрыв
свою неприличность,
будто бы шепчет
готовый ответ:

— И я
в социализме —
личность

и даже
распространяю свет.

А около чашки,
где плещется кофе,
с грудкой
окурков и спичек

ухмыляется
пепельница-«Мефистофель».

— Я — буржуазной
культуры
кирпичик.

Кладете
социализму фундамент.

Ну что ж!
пригодились туда мы...

А на стене,
в ялотораму вдвинув,
изобразило
чье-то перо

кокетливую Коломбину
и лезущего к ней
Пьеро.

Рот Коломбины
секунду ожил,
глаза занеслись
признаки:

— Что же,
как видите, мы тоже
в социализме признаны!..

Из-за красоты
вот этой дрянненькой,
где кошка на кошечке,
на чортике чортик,

никак не видно
друга-ударника;

он даже
вещам
симметрию портит.

А Сенька смеется:

— Ловко?
Красивая же
обстановка!
Хожу меж вещей,
осторожный лунатик,
Как бы не тронуть,
не поломать их.

Вещи такие, —
свирилей зверей,
грозящих рогами
из-за дверей:

— Мы тут правим,
мы тут владеем.

Сиди, подчиняйся
нашим идеям.

Мы не одни, —
нас целое племя,
на наших спинках
советские клейма,

мы на обложках
конфеток и мыла,
мы с настальи
улыбаемся мило.

Мы на обложке
Жарова,

просим любить
и жаловать!

Беседа с ударником
не вяжется как-то,
заговорившись
о второй пятилетке,

А тут Мефистофель
реальнейшим фактам
ухмыляется —
скептик едкий.

Речь заведешь
о плаке фанеры,
ну, какая тут
плака,

когда перемигивается
Венера
со свирилей-копчалкой.

К каким таким
идейным глубинам
тебя влечет

Пьеро с Коломбиной?
Ушел.

Со стены
какая-то лепка
меня провожает
без сожаленья.

И ветром заны
продувается кепка
продырявленная
рогом оленя...

Страхные вещи
рынок насытили,
тысячи
статуэток,
кошек,
ладей,

а вещи ж
тоже идей носители,
тоже
воспитывают людей.

Старых вкусов
остры укусы,
чтоб в быт
не вгрызался

сухарецкий вкус, —
товарищи,
переделывайте вкусы,
как переделывают Москву.

С. Кирсанов.

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

I

— Как вам это нравится! Вчера
купил пять коробок консервов и чуть
не отравился.

— Возмутительно!

— Что ж, вы заявили санитарному
врачу?

— Нет, зачем?.. Я их продал хо-
рошему знакомому

II

На вокзале у телефонной будки
очередь. Каждый дождавшийся долго
добивается станции, долго разговари-
вает. Очередь нервничает.

Подходит маленький человечек с
маленьким чемоданчиком. Решитель-
но отворяет дверь будки и обра-
щается к занимающему телефон
гражданину:

— Гражданин, выйдите, пожа-
луй-

ста. Я монтер, проверяю автоматы.

Гражданин покорно выходит.

Монтер минуты три оживленно бе-
седует по телефону. Потом выходит
и говорит, обращаясь к очереди:

— А я не монтер!

III

В трамвае.

— Куда прешь, наха! Тут тебе
не Сухаревка...

— Правильно.

— Конечно, правильно. Спрашивать
надо. Может, я вперед тебя слезю.

— Правильно.

— А ежели правильно, то нечего
и переться. Надо мозгами шевелить.

— Правильно.

— Заладил — правильно да пра-
вильно... Других слов, што ли, не
знаешь?

— Знаю, только спорить не охота.
Умисс.

БЫТ ОБЫВАТЕЛЬСКИЙ

ДОБРОДУШНЫЕ либералы склонны считать обывателя мирным, безобидным существом и весь обывательский быт сводят к самоварчику, к неведомой канарейке, к невиданной герани.

Ничего подобного! Обыватель свиреп, вооружен клыками и всегда готов пропороть живот ближнего своего. В своем быту обыватель занимается не воображаемыми канарейками, а неустанной борьбой чисто военного характера.

Начнем с обывательской квартиры.

Обывательская квартира — неприступная крепость, форт, по меньшей мере блиндаж, со многими линиями укреплений.

Первая линия укреплений — лестница. Обыватель содержит ее в неприступном состоянии. Она покрыта коварной, скользкой грязью, зашита густыми, непроходимыми облаками кошачьего газа и вдобавок погружена в непроницаемую темноту.

Вторая линия укреплений — дверь в квартиру. Она искусно замаскирована лохмотьями из клеенки и войлока. Надписи и рисунки мелом ошарашивают всякого, кто вздумал бы важчею спичку. Для одоления сложнейшей звонковой и стуковой сигнализации требуется не мало мужества и храбрости.

Третья линия укреплений — коридор или общий ход сообщения. Если бы на свете существовали черти, то они все оказались бы со сломанными ногами. Пройти без членовредительства по этой сплошной баррикаде сможет только сам обыватель квартиры, который знает, где пританис велосипед, шкаф, вешалка, останки швейной машины, колясочка, корытце и прочий бесчисленный хлам. Баррикада окутана, еще более чем лестница, газами животного и растительного происхождения. Из последних надо отметить конопляное и подсолнечное масло, которое при печении обывателем оладий, создает особо удушливую атмосферу.

По бокам коридора расположены замаскированные пылью и паутиной обывательские гнезда. Они носят громкое название жилплощади, но — в отличие от граждан — обыватель содержит их в таком состоянии, что жилплощадь хочется назвать несколько иначе. В этой своей норе обыватель непрерывно тренируется в боевых упражнениях. Он раздает подзатыльники своим детям и изощряется в словесном, а иногда и рукопашном бою с супругой.

Из своей норки обыватель выползает в общий коридор для схватки с соседями. Здесь баталии происходят около телефона, счетчика и уборной. Но генеральное внутреннее сражение разворачивается преимущественно на специально отведенном плацдарме, именуемом общей кухней.

На кухне боевые игры и потехи производятся ежедневно с 8 часов утра и до полуночи. Начинаются они, по обычаю, словесной перепалкой, но к концу боя пускаются в ход даже огнеметы: участники сражения бросают друг в друга горящие примусы.

В своем ожесточении обыватель доходит до применения во внутренней квартирной борьбе жилищных зверств. Он применяет даже методы радиовоздействия на противника. По своей разрушительной силе, сводящей на-нет нервную систему врага, хороший громкоговоритель равняется известной германской пушке «Берте».

Из других жилищных зверств следует отметить прием гостей и торжество по случаю так называемого обывательского «дня ангела». То и другое гости заканчивают коллективным побойшем и всеобщей потерей калош.

Среди тактических приемов боя в жилище обыватель нередко применяет тихую сапу, подкопы, допеканье, склоку, измор и как венец этой тактики — неизбежный суд.

Обыватель пощады не дает. Противник это знает и никогда ее не просит.

Признаком полной капитуляции служит обычно объявление поверженного в прах врага:

«Меняю комнату в центр. вс. уд. сух. сол. р. безразличен».

Тогда радости победителя нет пределов:

— Ага! Район ему, подлецу, безразличен! Значит, я его допек основательно!

И зверь набрасывается на следующего соседа по квартире.

Натренировавшись у себя в квартире, обыватель выходит на улицу и здесь тоже применяет свои воинственные привычки. Без надобности он толкает прохожих в грудную клетку, наступает на пятки впереди идущих, сшибает с ног детей и старух.

При переходе через улицу действует убийственно на нервы вагоновожатых и шоферов. Он неуклонно лезет под колеса, не обращая внимания на правила уличного движения и сигналы. И если милосердный шофер не раздавит его, то спасенный обыватель тут же обложит спасителя, как скотину.

Озверев окончательно, обыватель бросается в трамвай, где за десять копеек получает возможность толкать под микитки неизвестных ему граждан, наступать на трудовые мозоли и тискать женщин.

То же самое он проделывает вечером в кино или в раздевалке театра.

Впрочем он пускает в ход свои локти и клыки всюду, где только встречается с гражданами.

Это говорит о том, что обыватель, которого предстоит переделывать новому социалистическому

обществу, вовсе не является мирным, безобидным существом.

Он — клыкастый зверь, и герань с канарейкой существует только в воображении либералов.

В заключение надо отметить некоторую антирелигиозную роль воинствующего обывателя.

Многие обыватели обывательских квартир перестали под влиянием вышеописанных жилищных условий верить в святых.

— Тоже святые! — говорила одна старушка, снимая со стены икону Симеона Столпника, который жил отшельником на столбе и потому почитался святым. — Подумаешь, какая важность — столб! Жил без соседей, с отдельным ходом, спокойно себе помалкивал. Нет ты, сукин кот, поживи у нас, в коммунальной квартире, рядом с Петром Петровичем, тогда действительно можешь считаться и великомучеником!

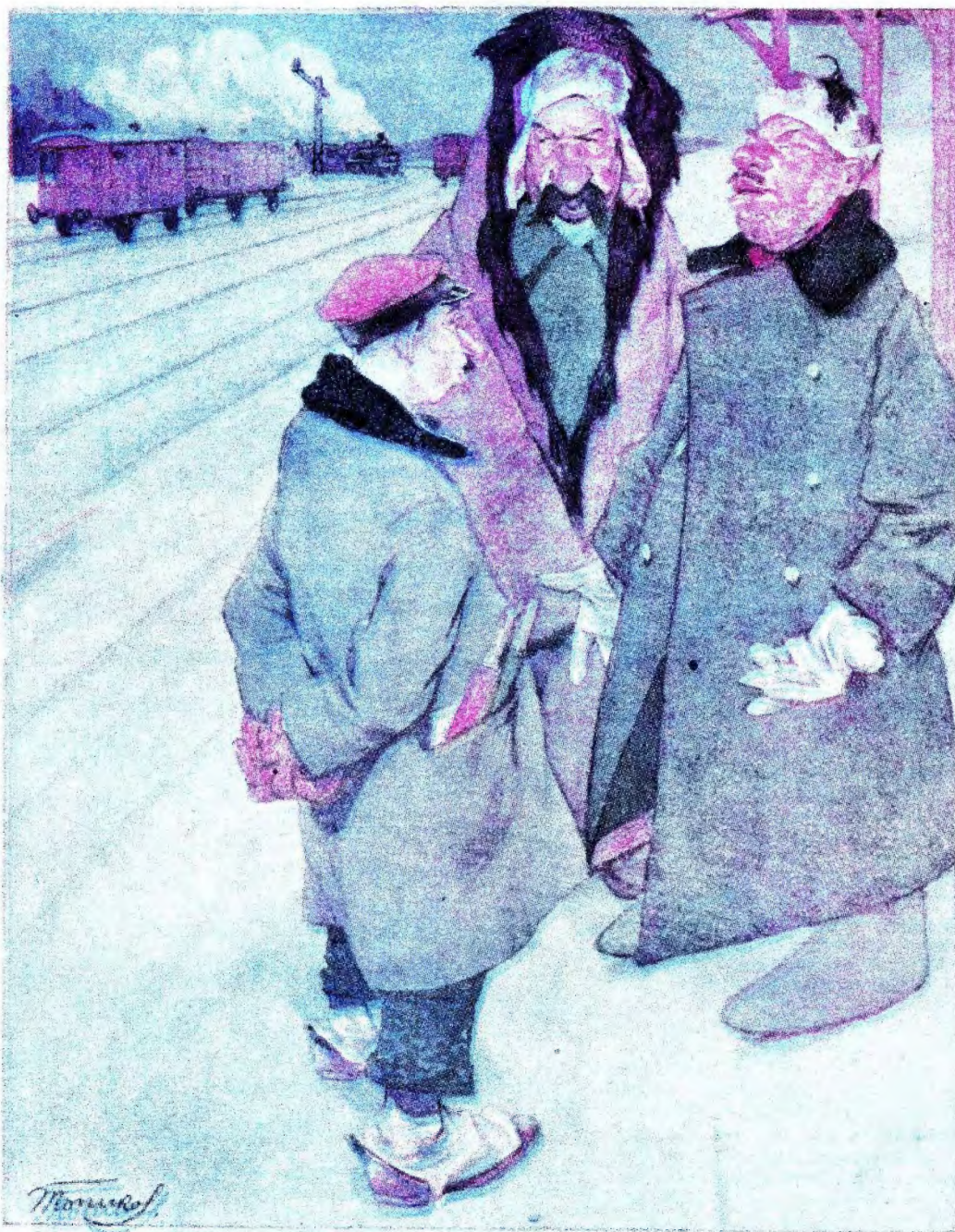
И старушка накрыла доской горшок с картошкой.

Б. Самсонов.

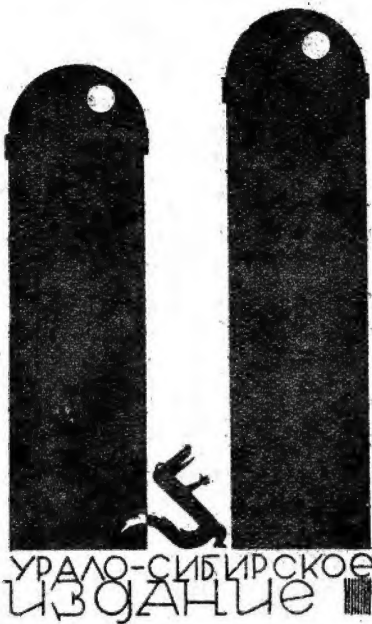
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ХЛАДНОКРОВИЕ

А. Топиков

В последнее время из-за халатности транспортников было несколько железнодорожных катастроф.

— Закрыв бы, Петряев, семафор-то! Ведь налетит шестнадцатый-то?
— А не мне, Василий Иванович, закрывать-то. Чушкину закрывать. Он, чудаки, в дежурке спит, а я сегодня выходной...

ПАПАША ЧЕРНЕНКО

МНОГИМ, конечно, известен прекрасный рассказ Чехова о том, как влюбленный парикмахер целый год бесплатно стриг и брил папашу своей нареченной невесты. Но вот однажды, в самый разгар стрижки, папаша объявил жениху, что невеста выходит за другого, более выгодного кандидата. Пораженный в самое сердце, влюбленный парикмахер прекратил стрижку на половине работы и потребовал от клиента гривенник, на общих основаниях.

Но твердый, как алмаз, папаша стер мыльную пену с обритой половины головы и заявил:

— Не хочешь брить бесплатно, как хочешь. А платить не буду. Подожди пока отрастет, сравняется.

Совершенно неожиданно нам удалось обнаружить чеховского папашу на Магнитострое. Он постарел, правда, обрюзг, волосы на обритой половине головы давно отросли, он даже переменял фамилию на Черненко и служит теперь помзаком коммунального хозяйства.

Папаша Черненко заведует, между прочим, довольно прозаическим, но совершенно необходимым для благополучия магнитогорцев делом — наблюдением за уборными стройки. При чем следует отметить, что этот прозаический участок являлся совсем недавно крупной злобой дня на Магнитострое.

Работающие на домне в поисках горючего топлива мчались на Гору, с Горы на Коксохимкомбинат, из гостиницы в цирк и так далее, так как уборных мало.

Ответственный же папаша Черненко, с добродушной улыбкой, скрестив руки на животике, мягко улыбался, наблюдая за этим великим переселением народов.

Только когда специальная комиссия предписала немедленно принять меры к приведению площадки в надлежащий санитарный вид, Черненко неожиданно проявил кипучую деятельность.

В один прекрасный день площадку заполнили специальные люди, набросившиеся на уборные. Люди отрывали двери клозетов, выламывали стушени, вскрывали полы, разрушали стены.

Парадом командовал Черненко.

— Ломай стенки дотла! — кричал Черненко. — Выдирай доски! Оставляй одни дыры! Мы тут такие клозеты закатим, что из Нью-Йорка придут чертежи покупать.

Когда разрушение уборных было закончено на всей домненной площадке, Черненко с удовольствием потер ладони, осмотрел Митяева побонче и сел писать срочные отношения.

„ПРИНУДУЧЕБА“

УРАЛ... На Изумрудных коях, от камешков придя в восторг, всю культурабиту на галопе ведет «энтузиаст»-профорг. Объятый пылом созидания, он бросил лозунг боевой:

«Внедрить технические знания и на земле и под землей!»

Вот от панели и до крышки на каждом здании висят красноречивые афиши, во-всю о лекциях глася. Увы! — они напрасно звали...

Искать не будем мы причин, но неизменно в гулком зале печальный лектор был один.

— Повор! Скандал! А где же массы? Не в стены ж технику долбит! Профорг задумал тем же часом профметод круто изменить.

Подкараулив после смелых, рабочих прямо из бады профхитроумец постепенно в свой «департамент» уводил.

— Зайди ко мне, голубчик, прежде, вон в эту дверку, вон туда, по-толковать о спецодерже с самим инспектором труда.

И ладит профорг, — собрался кворум (с натуги малый весь промок), — и вот в момент без разговору он «департамент»... на замок!

Кто б ждал подобного эффекта?!!

В ловушке приюток шахтер... А в ту минуту вышел лектор, протер очки да и попер...

★

Уснула ночь. И тишь, как в морге. Профорг, открыв флакон чернил, строчит отчет в немом восторге:

— Я в массы технику внедрил!

Внедрил... А завтра после смены шахтер от лекций сам не свой, скрываясь за заборы, стены, бежал без памяти домой. И лишь войдя к себе в ворота, шахтер взмолился к небесам:

— Спаси, господь, от профработы, а с техникой я справлюсь сам!

Урал...

На Изумрудных коях*), придя в неистовый восторг, всю культурабиту нынче топтит перестаравшийся профорг.

*) От. Воженева.

А. Стоврацкий.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

СЛОВА И ДЕЛА

Первый маршрут о магнитогорском чутуном идущий в Москву, простоял 18 и 19 февраля на станции Волжское более 12 часов по вине Благоуостовского депо, не подавшего оговоренного паровоза.

Совет не плохой, и отнюдь неспроста, депо Златоуста даем для науки: мало иметь «златые уста», — нужно иметь «златые руки».

САМОПИТ

Ни один городской трест общественного питания Зап.-сиб. края в течение 1931 года не сделал накопления. Все дали огромный убыток. Томский трест вместо 100 тысяч прибылей дал 72 тыс. убытка. Барнаульский окончил год с дефицитом в 13 тыс. рублей.

Увы! — не споел капитал, и вот итоги для финала: здесь потребитель голодал, а Коопит проел не мало.

Зав. Магнитогорским клубом торжков тов. Пронин не считает удобным дать комнату для техпропаганды, так как в ней рядом с портретами вождей висит портрет самого зав. клубом.

А. Генц

— Мне для моих портретов дополнительная площадь нужна, а вы еще тут со своей техпропагандой лезете!...

Поход за реализацию шестимиллионной тов. Сталина показал, что на златоустовских ДОМНАХ труд организован плохо. Десятники зачастую уходят и оставляют свой участок на произвол.

А. Генц

— Могу я видеть ваших десятников?
— Пожалуйста, смотрите: вот они все у нас здесь на черной доске.

ВИЛЫ В БОК

СО СЛЕЗОЙ

Говорят, что хороший сыр всегда со слезой бывает. Но, между прочим, и хороший оппортунист тоже может быть со слезой.

Не верите? Сейчас докажем вам.

Когда зав. ОТЗ магнитогорского металлостроительного завода Грудин получил от цеховой ячейки постановление: «За правооппортунистическую практику в работе тов. Грудина с работниками снести», Грудин пустил обильную слезу и начал пускать ее в жилетку знакомых.

— Вот раньше спокойно жилось, хорошо. Никаких оппортунистов, ни правых ни левых не было, о троцкизме не слыхали. Благодать была!

Сквозь эту слезу Грудин довольно явственно проглядывает физиономия мешанина с партбилетом.

НУЖНЫ ЗАМКИ

Культработник объединенного рабочего комитета строителей на ЦЭС Кольцов добился блестящих успехов: ни один красный уголок во вверенном ему районе не функционирует.

На вопрос постройкома, почему Кольцов устроил красные уголки, вышедший из «культработника» главокомиссар ответил:

— Нет замков! Вот когда будут замки, тогда красные уголки будут работать по-настоящему.

Правильно. Кольцову не хватает только замков. Проявит этот работяга взрыв активности, достанет замки, запрет на них красные уголки окончательно, и тогда дело будет в шляпе.

ВЕЖЛИВОСТЬ ДО УПАДА

Вежливость персонала распрда № 69 ВЭС превосходит всякое вероятие. Потребителю здесь не только дают сколько угодно масла, мяса, трикотаж, посуду и так далее, но даже самоотверженно предлагают:

— Не угодно ли вам, товарищ, взять у нас бесплатно, на прокат, чемодан? Вам ведь неудобно будет нести эту продукцию. Пожалуйста!

Не верите? Факт! Каждый может на себе проверить это. При чем единственное небольшое условие для того, чтобы заслужить такое обращение, нужно быть... женой или теткой зав. магазином Долганова. Ну, а кто этого условия выполнять не хочет, — пусть пеняет на себя. Ни шина не получит!

САМЫЕ ходовые стандартные начала очерков о новостройках, о переоборудованных заводах, о новых и обновленных городах у нас узаконены в таких примерно выражениях.

«Там, где были огорды и пустыри, где были волки и расцветал лопух»...

Или: «Там, где ржавело железо и стояли бездымные трубы, где выпь в лесах — да топь во мхах»...

Или: «Сей город был на карте генеральной кружком отмечен иногда. Главная Проезжая улица утопала в грязи. А на каждые шесть целых и четыре сотых человека-жителя приходилось полезная жилплощадь не более трех целых, ноль, ноль, ноль семь тысячных. А»...

«Оставим сравнительную географию — это весьма убаюкивающее и размагничивающее средство, которое на местах используют и так:

— Что? Вам не нравится, что на четырнадцатом году революции город охвачен водопроводом всего на ноль целых и четырнадцать сотых? Что? Водовозы, по-вашему, — пережиток? А известно ли вам, каково было общее состояние водоснабжения при Минине и Пожарском?

Оставим. И заглянем без обиняков и сравнений в бывший уездный город Подольск, ныне Московской области, ныне большой Подольск, родину советского крэкинга и Госшвей-машинны.

Очеркист из вышеупомянутых сразу по выходе на площадь из тесного и прокуренного, как трубка, вокзалишки, затянет привычную волынку:

— Там, где дышал парным веником старый трактир, где скрипели под ногами гнилые доски, заменявшие тротуар, где косыми крестами стояли керосиновые фонари, — там теперь пылают прожекторы и мощной шеренгой стоят корпуса новых многоэтажных домов.

Так. Все это и сильно и возвышенно. Но горит прожектор, как плошка, и все пятнадцать прожекторов, «просвещающих» город Подольск, страдают куриной слепотой. А из окон четырехэтажного дома червячками ползут коленчатые трубы, и фасад прокопчен, как окорок. Это без ретроспективных сравнений, конечно.

Но вот поэт из тех, что пишут «Руку, товарищ завод», молитвенно изложил бы сне:

Вот дож, в нем воплотилась мысль.

И дым из труб стремится ввысь...

Белое новенькое здание клуба металлистов, стоящее на зимнем перехрестии, поэт обязательно сравнил бы с волжским пароходом в затоне. Это красиво. Но на «пароходе» зияют своя, местная... красная халтура. В случаях же особо торжественных в этом клубе к концертной закуске после официальной части выписываются московские имена и фамилии.

Но так как у нас (и в Подольске) не любят говорить, то официальная часть, начатая часов с шести, заканчивается к половине двенадцатого, а без пяти двенадцать уходит последний поезд на Москву. Поэтому конференсье стоит перед публикой с часами в руках. Он спешит и волнуется:

— Чорт его знает, куда девался посланный за билетами?

— Короче! — шепчет он из-за кулис певице. — Не надо рефренов. Комкайте, комкайте! У нас еще семнадцать номеров и двадцать три минуты времени!

— Не смей на бис. Искалечу! — напутствует он выходящего куплетиста.

Сунатоха. На сцену выходят одновременно два номера: танцоры и квартет. За кулисами топот и трагическое перешептывание.

— Исполнители, — бегом, бегом на станцию!

— Чья эта картонка?

— Ладно, хватай! В вагоне разберемся.

— Шесть минут в нашем распоряжении. Эй ты там, на сцене, закройся.

Дизайн Л. Митинского

Рисунки М. Храпковского

«Мыслим о будущем вперед, чтобы считать доверенный уровень подпольной мерной лентой хозяйственной работы».

МОЛОТОВ.

«Городское хозяйство неслучайно от общего развития волею народа».

КАГАНОВИЧ.

— Бе-е-гом!!!

— Но почему же такая спешка? — спросит нас недоверчивый читатель.

— А потому, что гостиница имеется пока только в проектах большого Подольска. Имеются, правда, при дворе Дома крестьянина свободные стойла, но человек — это звучит

гордо. И редко кто из приезжих идет навстречу такому гостеприимству.

В борьбе с театральной зависимостью от Москвы здесь даже создан свой банно-театральный комбинат. Его составные части: баня, дезинсектор и ПХАТ (Подольский художест-

«БОРЕЦ» ЗА НОВЫЙ БЫТ

А. Радаков

МУЖ (жене). — Ты — жившее существо! Твой жизненный путь отмечен посудой!

венный академический киносектор). Все это тесно увязано в одном доме... Над баней огромная вывеска, гласящая «Бани открыты», — и широкая, как устье, лужа грязной воды, которая вытекает из бани и свидетельствует, что бани действительно открыты.

Несмотря на такую «пропускную» способность бани, самому ретивому посетителю не удастся помыться больше пяти раз в году. Но зато гигантские планы большого Подольска

сулят городу баню-гигант, с пропускной способностью двести человек в час.

Вообще в Подольске теперь все гигантское. Горсовет запретил строить дома ниже пятиэтажных. Больница намечена такая, чтобы столицы завидовали, — не меньше, чем на тысячу пятьсот коек. Размеры Дома обороны разработаны немногим более, чем у Дворца советов в Москве.

А недавно один завод пытался построить дом в рабочем городке в четыре этажа. Но ему твердо сказали:

— У вас уже есть пятиэтажные дома. Вперед и выше. Стройте шестизэтажные — А стройматериалы?

— Ну, какие могут быть разговоры? Вперед и выше. Время не ждет!

И действительно, такая спешка, что не успеют одно здание возвести, как принимаются за другое. Наспех создается свой подольский архитектурный совет, а проекты вычерчиваются и разрабатываются... в Москве. Спешка.

Такая спешка, что не угнаться за ней часам. И потому, вероятно, нет ни часов ни ходиков — ни на улицах ни в учреждениях. Такая спешка, что построили фабрику-кухню по последнему слову техники и уж недосуг было подумать, — а куда поимки сливать?

По этому поводу «Подольский рабочий» скромно осведомляется у Подольстроя:

— Неужели последнее слово техники предусматривает отсутствие помоев в столовой вообще?

Подольстрой не отвечает. Но зато поэт из заезжих обязательно вдохновится этим.

Поэта поразят также огромнейшие корпуса Строительно-силикатного института. Напротив, через дорогу, поэт увидит потемневшие от времени резные домики на курьих ножках. И уж обязательно озаглавит свою скоропальную поэму: «Поединок эпох». Ну, какой может быть поединок у корпуса слона с мухами-домиками.

Нет, товарищ поэт! Поединок теперь в другом и с другими.

Поединок теперь в Подольске должен быть с теми, кто устанавливает в городе прожекторы и дает им накалику в пятнадцать свечей; поединок с теми, кто плетет с прожекторского небоскреба на планы и действительность.

И это может быть скучно для поэтических людей, но в папках президиума РКК РКП Подольска есть один протокол за номером пятьдесят четыре. Там очень наглядно в контрольных цифрах и крутых выражениях показан вот этот самый разрыв действительности. Разрыв, несмотря на то, что Подольск уже не прежний, он действительно перестраивается, он действительно строится, он уже большой.

Но подольчане еще не забыли по-старинке своего доморощенного клопа, очень любят они вспоминать о том, какой был Подольск пять лет, десять лет, пятьдесят лет назад, но разве не интереснее поговорить о том, какой будет Подольск лет пять спустя без прожекторства и небоскребов?

Л. Митинский.

„М О Е!“

„Н А Ш Е!“

МИНИМУМ

В ларьке № 15 на ст. Индюк, Туапсинской жел. дор., завелась грызуны. В результате акт:

Комиссия в составе Артеменко, Пятали, Лянга и Гривенюк произвела описывание пришедших в негодность товаров:

1. Шалка суконная на Р. 2—50 с'едена мышами.
2. Кофе «Здоровье» 3 пачки на Р. 0—68 с'едено мышами.
3. Тесьма шелковая на Р. 3—00 с'едена мышами.
4. Бумага оберточная 2 кил. на Р. 1—00 с'едена мышами.
5. Хлеб печеный 5 кил на Р. 0—70 с'еден комиссией по проверке.
6. Консервы 2 банки на Р. 2—40 с'едены комиссией по проверке.
7. Хлебного вина 2 литра на Р. 15 выпито мышами.

Итого руб. 25—23.

В этом перечне одно кажется невероятным: не пьют мыши водку!

Признаемся: этого в акте и нет, от себя добавили. Но, чтоб составить такой акт, нужны: комиссия в вышеперечисленном составе и не менее 2 литров хлебного!

«БЕЗРАБОТНЫЙ» ГРОБ

О заболевшем сотруднике ярославской конторы связи Кажасеве пропелся слух, что он умер. Местком, не проверив слухов, провел подписку на похороны, купил гроб, венки и пригласил оркестр. К вечеру того же дня выяснилось, что Кажасев умирать не собирался. Гроб и венки остались в месткоме без применения.

Надгробные рыдания все же состоялись... над месткомом!

КТО БОЛЬШЕ?

В станице Талгор (Калининский район, Казакстан) 12 января—базарный день. Героем базарного дня на этот раз оказалась талгорская милиция. Она устроила аукцион разного бесхозяйственного имущества. На бочку взобрался сам начальник милиции Москаленко и начал:

— Продаются две иконы—Николая угодника и казанской божьей матери. Вполне исправные, на полном ходу. Две иконы—30 копеек. Кто больше?

За начальника милиции Москаленко больше дать нельзя. Такие нынче дешевы!

НЕЗАВИСЯЩИЕ ПРИЧИНЫ

На 7-м участке в Должанке (Ровенский район, Донбасс) вопрос о 6 условиях тов. Сталина не прорабатывался до 20 декабря 1931 года. Объяснение этому находим в протоколе цехкома:

Слушали: о шести указаниях тов. Сталина. Докладчик тов. Трифонов.

Постановили: шесть указаний тов. Сталина прорабатывать опоздали по независящим от тов. Трифонова причинам, так как он был занят.

Предцехкома Кузьменко.

К сожалению, мы не знаем, кто такой тов. Трифонов, — может быть, штатный докладчик, может, записной оратор, не если уж без него никак нельзя реализовать шесть условий, то личность он, — несомненно, важная и незаменимая. Не лучше ли в таком случае заменить цехком и бюро ячейки? Из двух зол выбрать меньшее.

МАНИФЕСТ СИДЕЛЬНИКОВА

Административная болтовня иногда облекается в высокую и торжественную форму респиритов.

Приказ № 240 капитана парохода «ЛИННЕ».

В честь дня 14-летия Октябрьской революции все административные выскания на работников вверенного мне судна снимаю, какювые считать аннулированными.

Капитан парохода «Линне» Сидельников.

Во время сочинения этого приказа капитан, очевидно, испытывал сильную качку.

БОЛТОВНЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ

В адрес Укрселькоопцентра была прислана телеграмма такого содержания:

Хлебная Харьков Укрселькоопцентр 254 Зиновьевска Киев Межегорская поздравляю со старым семейным счастьем Избавь угроз Верты

Лариса.

Загадочная телеграмма обошла все учреждение но никто не мог расшифровать ее. Оказалось, что это две телеграфистки записали свой разговор.

Там, где в работу телеграфа впутывается «семейное счастье», несомненно, процветает семейственность!

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Зав. райздравотделом Гурьевского рика т. Кузнецова, придя в больницу, обнаружила, что ее потертое, но довольно сохранившееся пальто забрызгано грязью.

В меру выругав Гурьевский комхоз, Кузнецова обратилась к занятому приемом больных врачу Сундетову:

— Сундетов, вычистите мне пальто...

Врач бросил больных и, взяв бензин и щетку, занялся чисткой пальто зава.

Поражает не столько самодурство Кузнецовой, сколько услужливость врача.

Как говорится: два сапога — пара.

ОДНО НЕЯСНО...

ВОТ, посмотри сюда на план:

Здесь будет сад, а рядом пруд,

Тут будет снегирь, а там фонтан,

Везде покой, везде уют.

Во всех квартирах свету — тьма!

Здесь воздух чист, как в Нисловодсне,

Мой дом — не прежняя тюрьма:

Доволен будет люд заводский.

Здесь будет физкультурный зал,

Читальня, клуб, а там — гараж,

А тут — системою зернал

Мы создадим отличный пляж...

— Проект прекрасен, — был ответ:

Мельчайший штрих не позабыт,

Одно неясно, где клевет?

— Клевет? Но это ж... старый быт...

Ольсен.

Из-во ЦК ВКП(б) «Правда».

АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 8. Прием ежедн. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. Подписная цена на журнал «КРОКОДИЛ» — 50-м. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков, установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, И. Мануальский, А. Митницкий.

Зав. редакцией: Н. Абрамский.

Ответственный редактор И. Мануальский

Москва. Изд. № 188

Сдача текста и рисунков — 18/II

Подпись к печати — 25/II.

Статформат А4—210×297 Печатных листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В—19166.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б) «Правда» Москва, Суцеск. вал, 49.

Зак. № 465

Тираж 500.000 экз.

Ю. Ганф

КАПИТАЛИСТ. — Как благотворно действуют на мои акции эти жизненные соки!..